

ИСТОЧНИКИ

«НЕОБХОДИМЫ РЕШИТЕЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ...»

Е. И. КОБАХИДЗЕ

Трансформационные процессы, происходящие в социокультурной сфере жизни традиционного сельского социума, всегда привлекали особое исследовательское внимание. В немалой степени академический интерес к этой теме обусловлен тем, что степень и направленность подобных трансформаций являют собой результаты исторического взаимодействия разных социальных феноменов: внешних факторов, в северокавказском историко-политическом ландшафте представленных российской государственностью и связанных с ней форм административно-политического воздействия на местные общественные структуры, и внутренних, обусловленных местной социокультурной традицией.

Однако в историографии они связываются преимущественно с периодом проведения реформ 60-х – начала 70-х гг. XIX в. Между тем, как показывают архивные материалы, многие из проводимых в этот период преобразований в действительности имели свою предысторию, существенно видоизменив ряд социокультурных практик уже в 50-х гг. XIX вв., будучи связанными с активной деятельностью представителей правительственной администрации на местах.

Подготовка, а затем и проведение аграрных и судебно-административных реформ на Северном Кавказе, к которым правительство приступило после окончания Кавказской войны, вновь заставила вернуться к сбору и записи обычно-правовых норм северокавказских обществ. Свою роль сыграло также и то, что глубокие по-

знания в обычном праве горцев дали бы российским властям стратегические преимущества в политико-идеологическом противостоянии с мусульманским духовенством, всегда представлявшим серьезную помеху в деле «умиротворения» Кавказа.

Систематизируя и кодифицируя обычно-правовые установления кавказских горцев в 40-60-х гг. XIX в., власти предполагали со временем приспособить нормы обычного права к законам Российской империи, действуя при этом вполне в духе регионализма. С другой стороны, взаимная адаптация различных по своей социальной природе нормативных систем грозила затянуться, а вполне объективный временной фактор, вмешивавшийся в правительственные планы по «окончательному покорению» Кавказа, становился очевидной помехой в стремлении к скорейшему «обрусению» края.

Примером форсированного подхода к распространению в горской среде государственных правовых начал может служить предпринятая в 1859 г. инициатива начальника Военно-Осетинского округа полковника Муссы Кундухова по отмене «вредных народных обычаев» и замене их новыми ввиду несоответствия прежних адатов «духу настоящего времени» (см.: [1, I, 55-62]). Это мероприятие достаточно подробно описывается в известном труде Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев». Однако особый интерес представляют конкретные обстоятельства, в которых окружной администрацией был предпри-

нят столь решительный шаг, вполне определенно обозначивший намерение властей контролировать внутреннюю жизнь «вверенного населения» и использовавших для этой цели самые разнообразные методы и формулировки.

Принятое М. А. Кундуховым радикальное решение вызревало в кавказских административных кругах довольно продолжительное время. Уже в самом начале 50-х гг. в региональной администрации высказывались мысли о том, чтобы изменить существующие в горских обществах правовые нормы, связанные с обычаем устройства традиционных поминок [2, 305-314]. Необходимость изменений аргументировалась тем, что обычай этот «крайне стеснителен для людей достаточных и совершенно разорителен для бедных» [2, 312]. Председатель комитета по разбору сословных и земельных вопросов генерал-майор Вревский в своей докладной записке доказывал полезность новых правил, которым «народ охотно покорится», если они будут введены правительственным распоряжением, и которые следует «объявить всем жителям на общих сходках. Приставам и старшинам, – считал барон, – строго наблюдать за исполнением сего и взыскивать с них за утайку подобного рода проступков» [2, 312].

К концу десятилетия вопрос о приведении ряда норм, регулирующих брачно-семейную сферу жизни осетин, в соответствие с догмами христианской морали был поднят представителями православного духовенства в лице архиепископа Евсевия, экзарха Грузии, который в октябре 1858 г. обратился к командующему войсками Левого крыла Кавказской линии с просьбой «...2. об отобрании у христиан-двоеженцев лишних жен; 3. об отобрании у магометан, на основании положения Совета Главного Управления Закавказского края от 20 марта 1852 года, христианских женщин и о приказании осетинским христианам, живущим в браке, не благословленным церковью, обвенчаться» [3, 1-1об.]. Необходимость ограничения пределов распространения обычно-правовых норм (трактуемых как

возврат к «язычеству» и потому «вредных» для христианской церкви) мотивировалась экзархом Евсеем растущей опасностью исламизации населения, поскольку, с его точки зрения, ряд норм шариата легко мог прижиться на местной «языческой» почве при отсутствии контроля со стороны православного духовенства.

Позиция архиепископа была поддержана в штабе войск Левого крыла [3, 9], откуда на имя М. А. Кундухова поступает настоятельная рекомендация «о немедленном выполнении всех распоряжений, просимых отзывом Архиепископа Экзарха Грузии» [3, 14].

Последовавшая на это распоряжение реакция «на местах» оказалась совсем неоднозначной.

Например, в Нижне-Осетинском участке предписание начальства выполнено было незамедлительно, и помощник управляющего участком поручик Козловский рапортовал начальнику Военно-Осетинского округа полковнику Кундухову: «бывшие замужем за магометанами христианские девицы... отобраны и возвращены к родителям их; относительно возвращения калымов и уплаты штрафов назначен срок месячный» [3, 13]. Однако в управлении Верхне-Осетинского участка считали, что «дело это надо предоставить времени и убеждениям священника» [3, 5-5об.]. Отнюдь не торопились безоговорочно выполнять начальственные распоряжения и в Дигорском участке, ссылаясь на местные условия и приводя достаточно убедительные аргументы в пользу сохранения существующего положения: «...Тем которые женаты на родственниках и 3, Двух-женцам Христианам, имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что браки тех которые женаты на родственниках совершены были назад тому от 6 до 20 лет и более и некоторые из них имеют детей в совершенных годах, и если бы в случае правительством распорядится о разводе их, то семейства эти должны вовсе разориться; об этом я уже сообщал Архимандриту Иосифу; которые же имеют двух жен, то они с одной из них перевенчаны, а другие оставлены на житье

при них собственно по старости лет и если их удалить, то они должны быть нищими и питаться подаянием» [3, 45-45об.].

Нужно отметить, что и сам начальник Военно-Осетинского округа полковник Кундухов встретил распоряжение штаба в неуверенности, о чем свидетельствуют как его собственные замечания по поводу просьб и отношений, поступающих из участков, так и наброски его писем к экзарху. Отвечая на вопросы помощника управляющего Тагаурским и Куртатинским участком, может ли он «дозволить Кавдасардок из Христиан отдавать за известную плату в услужение на годы или всю жизнь к людям одинакового с ними вероисповедания, выдавая им при этих сделках письменный документ» и как «считать детей этих служанок, если бы таковые у них были: могут ли они пользоваться правами вольных кавдасардов», Кундухов отвечает: «Кавдасардам позволяется наниматься в услужение на время к людям одного с ними вероисповедания, но никак не на вид «нумылюз», что от ныне строго воспрещается между христианами; след. если от незамужних кавдасардок будут дети, то они считаются незаконнорожденными, как вообще в России. Свидетельство таковым кавдасардам непременно выдавать» [3, 23-23об, 28].

Бурно отреагировали на нововведения администрации и сами крестьяне. Но прежде нужно пояснить, какие именно аспекты нововведений вызывали в горской среде явное непонимание. У народов Северного Кавказа широкое распространение получили левиратная и сороратная формы брака, которые рассматривались как механизмы облегчения и замены покупного брака, совершавшегося при условии выплаты калыма. Правовыми нормами особенно подробно оговаривались условия заключения левиратного (от лат. *Levir* – деверь, брат мужа) брака, при котором вдова умершего обязана была вторично выйти замуж за представителя семьи ее покойного мужа: «Если после смерти мужа остается жена в доме родителей или братьев его с детьми или бездетная, то родные и братья мужа, не освобождая ее, насильственно принуж-

дают выйти за одного из них замуж, хотя бы этого она и не желала; если же она от этого откажется, то в таком случае отправляют ее к родителям ее и заставляют проживать там, запрещая выходить замуж за другого, без предварительного позволения родственников прежнего мужа; а с взявшим ее в замужество, без подобного позволения, имеют мщение и вражду» [1, II, 50]. В институте левиратного брака реализовывался принцип «вдова – собственность семьи ее покойного мужа», охранявшего хозяйственно-имущественную целостность семьи.

Сороратные (лат. *Soros* – сестра) браки заключались по тем же соображениям имущественной выгоды. При такой форме брака овдовевший мужчина брал в жены сестру своей умершей жены, и в этом случае необходимость вторичной уплаты калыма либо отпадала вообще, либо он выплачивался в значительно меньших размерах.

Надо сказать, что, как отмечают источники, по осетинскому обычному праву размер брачного выкупа за невесту был достаточно большим у всех сословий, и выплата калыма была обычаем довольно обременительным. Размер его доходил до 1000 руб. серебром, что равнялось стоимости 100 быков [1, II, 40]. После вхождения Осетии в общероссийское административно-правовое пространство размер калыма колебался от 150 до 440 руб.; в 1859 г. по постановлению представителей от осетинского народа (о чем будет сказано ниже), максимальный размер калыма был снижен до 200 руб. Однако последующие сборники адатов (например, в записи 1866 г.) фиксируют увеличение размеров калыма для всех осетинских обществ. Так, например, в Дигории уже в 1866 г. «у бадилят за девушку полагается 650 руб....За вдову калыма 500 руб. ... У дигорцев низшего сословия за девушку уплачивается родным ее 150 руб. и особенно дяде 10 рублей. За вдову 150 руб.». У тагаурцев и куртатинцев ставки калыма были следующие: «У алдар калым как за девушку, так и за вдову 420 руб....У фарсалак и кавдасардов за девушку калым 330 руб., а за вдову 250 руб.». У алагирцев

«калым в точности не определен и, смотря по состоянию и условиям, уплачивается в размере от 200 до 360 руб.» [1, II, 67-68].

Таким образом, пытаясь понять мотивы, лежащие в основе запрета жениться «на родственниках», крестьяне на свой лад объясняли непонятные им действия местных властей необходимостью подчиниться воле какого-то «высшего Начальства», которое, вероятно, плохо знакомо с их обычаями, и если все как следует растолковать, то власти сами увидят, насколько неправильными и расходящимися со «здравым смыслом» окажутся их указания. Вот, например, что писали представители Алагирского общества: «Честь имеем почтительнейше доложить Вашему Высокоблагородию (начальнику Военно-Осетинского округа М. А. Кундухову. – Е. К.) что некоторые из жителей Алагирского общества по существующему Горскому обычаю после смерти родственников совершали бракосочетание родственники с родственницами; а некоторые из них имели по две даже жены каковой обычай существовал между нами с давнего времени; а ныне духовное Начальство вероятно имея позволение от Высшего Начальства отбирает у нас оных не только вдов но даже у кого имеется и жен Мулузов.

Осмеливаемся всепокорнейшее просить ходатайства Вашего Высокоблагородия об остановлении таковых которые имели с установления новых прав родственники родственниц в женах попрежнему а с сего нового Постановления никто из нашего общества по таковых родственниц родственники не будут иметь сочитанием браков» [3, 36-36об.].

Хорошо зная местную среду и понимая происхождение местных обычаев, Кундухов просит управляющего Осетинскими приходами архимандрита Иосифа «уладить это дело без расторжения браков», поскольку «вступившие в подобные браки с родственницами прижили с ними детей, и в случае расторжения сих браков дети невинным образом подверглись бы крайней бедности и нищете...» [3, 37об.].

Несмотря на всю сомнительность но-

вовведений, собственные колебания и разногласия по этому вопросу в участковых управлениях, М. А. Кундухов вынужден был отрапортовать о готовности «безропотно оставить навсегда соблюдаемый ими (осетинами. – Е. К.) до настоящего времени обычай и сохранить на будущее время требуемый как правительством, так и догматами христианской церкви... надеюсь, – обещает начальник округа, – до июля м-ца настоящего года (1859. – Е. К.) привести к окончательному устранению вредных для Церкви существовавших в народе обычаев, и в то же время буду иметь честь доложить о том Вашему Пр-ву» [15-15об.].

В ходе этой кампании созывается «величайший народный сбор», на котором принимаются новые постановления, относимые, впрочем, преимущественно к уголовно-правовой сфере применения адатов. Заодно были пересмотрены и некоторые частные аспекты гражданско-правовых отношений, касающихся левирата, брачного выкупа, наследственного права (к примеру, в число наследников включались лица женского пола), поминальных расходов. На ослушников предлагалось наложить довольно внушительный штраф в 100 руб. серебром (для сравнения можно привести следующие данные: годовое жалование писаря 3-го класса в окружном управлении Осетинского округа Терской области по штатной ведомости 1862 г. составляло 16 руб. 95 коп. серебром, словесного переводчика – 150 руб., а депутата окружного суда – 200 руб. – см.: [4, 142-143]). «Народное постановление» закреплялось соответствующим циркуляром самого начальника округа; контроль же за исполнением «народного решения» возлагался на «старшин», обязанных докладывать своему начальству обо всех случаях нарушения нового порядка [1, I, 61-62].

С мероприятием М. А. Кундухова связывается начало практики созыва общинных сходов, получившей широкое распространение в пореформенные десятилетия при проведении в жизнь заведомо непопулярных административных решений.

Что же касается собственно запре-

щения «двоеженства» у христиан, то, как видно из последующей переписки, дело это так и не было доведено до желаемого администрацией результата. Уже в июне 1860 г. экзарх Грузии архиепископ Евсевий вновь обращается в Главный штаб Кавказской армии, с отношением, в котором жалуется на недостаточное внимание к его настоятельным просьбам, поскольку «...христианские женщины доселе состоят у магометан, и смешанные браки, а чрез то и вторжение исламизма в христианство усиливается в Военно-Осетинском округе. Так, в недавнее время, – докладывает архиепископ, – брат Начальника Военно-Осетинского округа магометанин, майор Индрис Кундухов взял для своего холопа христианку, дочь кадгаронского жителя Ислама Оттаршоева, Ротмистр Крым Султан Дударов магометанин, взял христианку, дочь проживающей в г. Владикавказе вдовы Бероевой Хидзикиз; житель аула Заманкул Уци Бегоев, магометанин, похитил племянницу жителя того же аула христианка Беко Комарзаева».

Но и через год, и через два, и через три положение существенно не изменилось. И в августе 1863 г. управляющий осетинскими приходами благочинный протоиерей Алексей Колиев обращается с пространном и полным негодования рапортом к начальнику Терской области генерал-адъютанту Г. Д. Орбелиани [3, 62-65об.]. Поводом к составлению этого документа послужило то, что член народного суда во Владикавказе, некий Беса Коченов, будучи чиновником, взял себе вторую жену, которую не только «не употреблял ни на какие работы», а даже «держал ее лучше законной жены». Пример Коченова, по убеждению протоиерея, мог спровоцировать другие подобные случаи, которые уже отмечены были не только в сельской, но и в городской владикавказской среде, угрожая христианской морали, законности и правопорядку. «Таким образом, – пишет протоиерей, – поток зла многоженства начинает заливать почти все Христианское население в Осетии; и чтобы остановить его необходимы решительные административные меры, – пастырские же

увещания тут действуют слабо, или даже вовсе не действуют, – нужны меры полицейские, – тем более, что порок этот, помимо религиозного характера, имеет и чисто Гражданский характер, о чем я не считаю нужным много распространяться» [3, 63].

Документы не сообщают, способствовали ли «решительные административные меры» окончательному изживанию обычаев заключения левиратных и сороратных браков, к чему стремились как высшее духовное начальство, так и областные гражданские власти, поскольку невозможно было вдруг, одним «росчерком пера», отменить утвердившиеся в веках и, что важнее, в сознании горца нормы, имеющие вполне рациональную подоплеку, проистекающую из специфики традиционного жизнеустройства и наполненные особой социокультурной значимостью, обусловленной действием адаптивных механизмов, которые обеспечивали традиционному горскому социуму его выживание и простое воспроизводство. Однако христианская риторика, к которой активно прибегала администрация в описываемых выше обстоятельствах, нашла свое продолжение и развитие в последующей конфессиональной политике правительства. А к лету 1867 г. был решен и вопрос о положении потомков вторых жен-«номылу» – кавдасардов и кумайагов, которых администрация относил к зависимым сословиям, подлежащим освобождению в ходе крестьянской реформы в Осетии, о чем генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов, в 1865 г. ставший начальником Терской области, рапортовал кавказскому наместнику, главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу: «По предписанию же Вашего Императорского высочества в феврале месяце текущего года приступлено было к освобождению рабов в Осетинском округе также путем добровольных соглашений между владельцами и холопами, а вслед за тем к восстановлению общечеловеческих прав особого и неестественного вида зависимых в Осетии – Кавдасардов и Кумиаков (рожденные от именных жен). В виду бедственного и стеснительного по-

ложения холопов в Осетинском округе, особенно живущих в горах, было признано полезным установить за норму выкупа сравнительно низкие цифры, чем в Кабарде или на Кумыкской плоскости; Унауты же и их дети имели получить свободу по тождеству их прав, на тех же основаниях, как и в Кабардинском округе. На началах, разработанных местной администрацией и удостоенных утверждения Вашего императорского высочества, предложено было начальнику Осетинского округа в прошлом марте месяце приступить к освобождению Кавдасардов и Кумиак и вопрос этот, неоднократно обращавший на себя внимание

кавказского начальства, как по запутанности прав и отношений кавдасардов, так и по неестественности притязаний на их зависимость владельцев, получил вполне удовлетворительное решение. Права этого вида зависимых очеловечены, отношения выяснены, полная свобода их определена. Общий же результат трехмесячных действий Осетинского посреднического Суда выразился как в окончательном освобождении существовавших в том округе зависимых сословий, так и в безвозмездном увольнении владельцами довольно значительного числа принадлежавших им холопей и кавдасардов» [5, 13об.-15].

-
1. Леонтович Ф. И. Алаты кавказских горцев. В 2-х т. Одесса, 1882-1883.
 2. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом/Сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.
 3. ЦГА РСФСР-А. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5.
 4. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 3-е. К № 38326.
 5. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 39.